

УДК 929

С.Н. Ковальчук
Рига, Латвия

«Наследие»

ИСТОРИИ ИЗ ПЕРЕПИСКИ П.А. СОРОКИНА: АДРЕСАНТ / АДРЕСАТ МАКС ЛАЗЕРСОН

Статья посвящена судьбе Максима Яковлевича Лазерсона – выпускника Санкт-Петербургского университета, ученого и депутата латвийского Сейма. Опубликованный в 2009 году том переписки Питирима Сорокина позволил прояснить многие страницы биографии Лазерсона.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Макс Лазерсон, Питирим Сорокин, Лев Петражицкий, переписка.

S.N. Kovalchuk. Stories from P.A. Sorokin's correspondence: the addresser/the addressee Max Lazerson

The article is devoted to the fate of Maxim Yakovlevich Lazerson, the graduate of the Saint Petersburg University, scientist and deputy of the Latvian Sejm. Published in 2009, the volume of Pitirim Sorokin's correspondence allowed to clarify many facts of Lazerson's biography.

Key words: Saint Petersburg University, Max Lazerson, Pitirim Sorokin, Leon Petrażycky, correspondence.

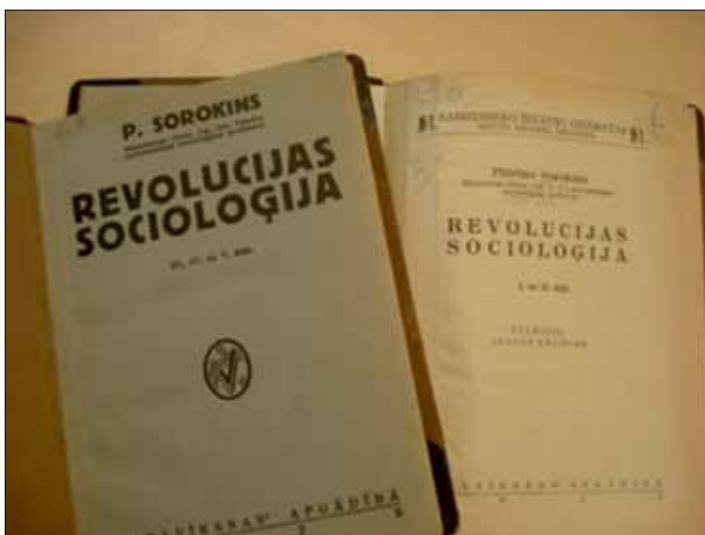
Пожалуй, в жизни каждого человека бывают неожиданные и судьбоносные встречи, «странные сближенья» с людьми, книгами... Произошла такая встреча и у меня. В недавно изданной монографии «Настоящий изгнанник с собой все уносит. Судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг.» (Москва, Новый хронограф, 2017) одна из глав мною посвящена Максиму Лазерсону, о котором в Риге не раз довелось писать, читать доклады. Благодаря, краем глаза замеченной книге «Питирим Сорокин: Избранная переписка» [Питирим Сорокин..., 2009], о себе пронзительно напомнил М. Лазерсон – том переписки открыла на письмах Сорокина и Лазерсона!

О многих фактах биографии Макса Лазерсона стало известно благодаря опубликованной переписке. К сожалению, сохранилось в архиве только 20 писем из 30-летней переписки М. Лазерсона и П. Сорокина. В письмах Лазерсон сообщал уникальные подробности о своей жизни в России, Латвии, Палестине и США, куда позже смог перебраться осенью 1939 г., получив рекомендательное письмо Сорокина.

Случилась эта встреча с книгой переписки П.А. Сорокина в конце мая 2011 года в Доме детского творчества поселка Усогорск. После конференции, посвященной памяти К.Ф. Жакову и А. К. Микушева, после нескольких дней отдыха в доме деревни Патраково у гостеприимной хозяйки Дины Ивановны Прокопьевой, в компании уважаемых коллег-ученых Елены Константиновны Созиной, Татьяны Александровны Снигиревой, Валентины Александровны Лимеровой и Павла Федоровича Лимерова. На обратном пути перед отправлением поезда мы заехали в Дом детского творчества. Непредвиденная встреча в далекой республике Коми с томом переписки П.А.

Сорокина стала для меня первым звоночком, что книгу об ученых-эмигрантах в Латвии следует писать!

Между прочим, у самого будущего профессора Гарвардского университета, социолога Питирима Александровича Сорокина связи с Ригой завязались еще до Первой мировой войны. В 1913 г. публикации Сорокина состоялись в Риге благодаря серии миниатюрной библиотеки издательства «Наука в

П. Сорокин. Социология революции. Рига, 1929.

жизнь»: «Брак в старину. (Многомужество и многоженство)»; «Преступность и ее причины»; «Самоубийство как общественное явление»; «Символы в общественной жизни». Издания числятся по электронному каталогу Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга. Известно, что «Социология революции» П. Сорокина была издана на русском в 1923 году. В 1929 г. издательство «Varavīksna» опубликовало труд Сорокина «Социология революции» в переводе Артура Кродерса: Sorokins Pitirims. Revolūcijas socioloģija (Rīga, 1929). А в 1926 году вышла из печати работа Лазерсона «Революция и право» (Revolūcija un tiesības), так же как и книга Сорокина, позже переведена на разные языки.

П. А. Сорокин в рамках политической акции высылки русской интеллигенции был выдворен из России 23 сентября 1922 г., навсегда покинул родину поездом Москва–Рига. Талантливые студенты проф. Л.И. Петражицкого – Сорокин и Лазерсон, конечно же, не встретились на перроне рижского вокзала. Вагон, в котором находились изгнанники, присоединили к составу, следовавшему в Берлин. Встреча состоится через 20 лет в США.

Из биографии Макса Лазерсона

Макс (Максим Яковлевич) Лазерсон (Матасия Зусманович Лазерсон) родился 1 февраля 1887 г. в семье торговцев в Митаве (ныне Елгава) Курляндской губернии, где на протяжении столетий проживало многочисленное немецкоязычное еврейское население. В 1905 г. Макс Лазерсон завершил учебу в реальном училище. Отцовское коммерческое предприятие его не привлекало, поэтому он поспешил уехать подальше и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, блестяще окончив его в 1910 г. На высоком научном уровне им написанная работа «Естественно-правовые учения, их природа, состав и характер на разных ступенях развития», удостоенная серебряной медали юридического факультета.

М. Лазерсон

Но сходу ступить на стезю науки у Лазерсона не было возможности по причине известных бюрократических препон. Оставалось пока печататься: первой серьезной публикацией по философии права стала в 1910 г. его работа «Философия истории "Войны и мира" Л. Толстого». С 1911 г. Лазерсон стал автором еженедельного юридического конституционно-демократического направления санкт-петербургского издания «Право». Безукоризненное владение немецким языком позволили М. Лазерсону стать автором перевода книг проф. Юлиуса Гачека – профессора публичного права Королевской академии в Познани. Переведенная работа называлась «Общее государственное право» и была выпущена в Риге в 1913 г. в серии миниатюрной библиотеки издательства «Наука и Жизнь» в 3-х частях: I часть «Право современной монархии», II часть «Право современной демократии»,

III часть «Право современного государственного соединения».

С 1910 г. по 1916 г. Лазерсон служил помощником присяжного адвоката С. Козлова в Харькове и помощником юристконсульта в Донецке (Юзовке) на горном предприятии «Продуголь». В начале 1916 г. случилось долгожданное событие – Лазерсон был избран ассистентом в Петроградский психоневрологический институт, ректором которого был профессор В.М. Бехтерев. В письме П. Сорокину Лазерсон сообщал: «Мои учителя, в особенности Петражицкий, мною очень дорожили и лично хлопотали за меня перед Министерством Народного Просвещения о моем утверждении. Это происходило в конце 1915 и начале 1916 года. За меня замолвил словечко покойный Максим Максимович Ковалевский» [Питирим Сорокин..., 2009, с.50]. Профессора направили свои рекомендательные письма в адрес Министерства Народного Просвещения. Осенью 1916 г. Лазерсон получил должность приват-доцента Петроградского университета. Благодаря хлопотам профессоров, он «стал первым евреем на преподавательской должности юридического факультета университета» [Питирим Сорокин..., 2009, с. 50]. Сразу же подчеркнем, о многих фактах биографии М. Лазерсона стало известно благодаря опубликованной переписки П. А. Сорокина. К сожалению, сохранилось в архиве только 20 писем из 30-летней переписки Лазерсона и Сорокина. В письмах Лазерсон сообщал уникальные подробности о своей жизни в России, Латвии, Палестине и США, куда позже смог перебраться осенью 1939 г. благодаря рекомендательному письму Сорокина.

Между прочим, историк Евгений Анатольевич Ростовцев – руководитель проекта «История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика)» усомнился в корректности избрания Лазерсона на должность приват-доцента, поскольку оно не находит подтверждения в «Протоколах заседаний Совета Петроградского Императорского Университета» за 1916 год. Но как бы то ни было, Макс Лазерсон верным имени Петражицкого и его научным установкам оставался на протяжении многих деся-

тилетий – знаток конституционного и международного права, прав национальных меньшинств.

События в Советской России к началу 1920 г. дали повод Макс Лазерсон уроженцу Курляндии вернуться в родные края. Его привлекли политические процессы в молодом Латвийском государстве: в мае 1920 г. в Риге состоялось Конституционное собрание, шла подготовка к выборам в первый парламент. Кипучий, деятельный Лазерсон желал служить демократическим идеалам, стоять у основ создания демократических законов, приложить научные знания в реальном деле – в защите права национальных меньшинств. Карьера в Советской России не казалась ему столь привлекательной, государственные границы все плотнее закрывали шлагбаумы, а в Риге проживали родители, родственники. Возможно, поэтому он и возвратился.

Политическая активность Лазерсона ярко проявилась еще в 1917 г. в непосредственной работе во Временном правительстве Александра Керенского: он служил в Министерстве внутренних дел и был вице-директором департамента Национальных меньшинств, а П. Сорокин, как известно, служил личным секретарем Керенского. Оба с семьями проживали по соседству в общежитии Агропромышленного института в Царском селе. С 1919 г. Лазерсон читал лекции в Петроградском институте народного хозяйства (бывшем Коммерческом институте), с января 1920 г. стал профессором по судебной теории в этом же институте. Но вскоре он решает круто изменить судьбу и возвращается на родину в независимую Латвию. Задержись он в Советской России, возможно, и его ожидало бы изгнание из страны, как был выдворен 23 сентября 1922 г. П. Сорокин. На перроне вокзала, конечно же, Сорокин и Лазерсон не встретились. Но спустя некоторое время установили связь – письменно общались, обменивались научной информацией. Через несколько лет наступило затишье: в сентябре 1930 г. Лазерсон узнал новый американский адрес и отправил в Гарвард профессору П. Сорокину свою монографию «Общая теория права», просил написать рецензию. Но ни ответа, ни рецензии так и не дождался.

Бурные политические перемены в молодой Латвийской Республике всецело увлекли Лазерсона, он активно влился в общественную и политическую жизнь, трижды избирался в латвийский парламент, стал депутатом от социалистов-сионистов «Ceire Cion» Первого (7.11.1922 – 2.11.1925), Второго (3.11.1925 – 5.11.1928), Третьего (6.11.1928 – 2.11.1931) Сеймов Латвии [Ковальчук, 2015, с.145–168]. В Сейме стал секретарем комиссии публичного права, членом редакционной комиссии. Лазерсон с присущим ему политическим темпераментом с трибуны латвийского парламента защищал права национальных меньшинств, отстаивал право на автономию в системе образования, требовал признать национальное меньшинство субъектом международного права. Углубленно изучал права национальных меньшинств, все более убеждаясь в том, что меньшинственное право – одна из субстанций подлинной демократии. Этой теме Лазерсон посвятил много публикаций.

К сожалению, в Латвийском университете преподавательская карьера Лазерсона не сложилась [ЛГИА. Ф. 7427. Оп. 13. Д. 983 Л. 1]. Возможно, политическая репутация Лазерсона, яро отстаивавшего права еврейского национального меньшинства, негативно повлияла на решение коллег из университета. Несмотря на неуспех в стенах университета, организаторские способности, педагогический опыт были чрезвычайно востребованы в Латвии при создании обширной сети еврейских учеб-

ных заведений, которой не существовало на территории молодого латвийского государства до 1919 г. Лазерсон учительствовал в Еврейской городской гимназии, стал первым ректором Еврейского педагогического института, активно читал лекции в Еврейском институте Ф. Фребеля при обществе «Намоге» и в Еврейской народной консерватории. В еврейской общественной среде Лазерсон обрел репутацию яркого защитника образовательных школьных программ на языке иврит. Но в октябре 1921 г. он активно поддержал подвижничество проф. К.И. Арабажина на ниве высшего русского образования, вошел в круг соучредителей учебного заведения и был избран профессором Русских университетских курсов, читал курсы лекций по общей теории права, государственному праву Латвии, административному праву, государственному праву. С 1927 г. и на протяжении нескольких лет преподавал в Институте практических знаний (Коммерческий институт) и читал курсы лекций по международному и государственному праву. Лазерсон активно публиковался в Латвийском энциклопедическом словаре – *Konversācijas vārdnīca*, в «Вестнике Министерства юстиции» (*Tieslietu Ministrijas Vēstnesis*), в журнале Василия Синайского «Юрист» (*Jurists*), газете «Сегодня», еврейских периодических изданиях. Состоял членом редакционной коллегии единственного в русском зарубежье журнала Русского юридического общества «Закон и Суд». С 1924 г. работал помощником адвоката, с 1932 г. стал присяжным адвокатом.

В 1930 г. в рижском издательстве «Жизнь и культура» была опубликована основная работа Лазерсона латвийского периода научного творчества «Общая теория права. Введение в изучение права». На книгу из Варшавы отозвался дорогой учитель – профессор Петражицкий, написавший в конце 1930 г. в частном письме О.О. Грузенбергу: «Лазерсону расскажите о моем сердечном отношении к нему, огорчении по поводу его неудачи в университете и т.д. К его книге я, несмотря на некоторые разногласия, отношусь с большой симпатией и уважением. Некоторые части мне очень понравились» [Грузенберг, 1931]. Кстати, кто входил в круг идейно близких Петражицкому учеников? Лазерсон очертил его в своей последней публикации 1951 г., написанной к 20-летию ухода из жизни профессора [Lazerson, 1951]. В него входили Павел Люблинский (1882–1938), Константин Соколов (1882–1927), Михаил Рейснер (1868–1928), Георгий Гинс (1887–1971), Н. Тоцкий, Макс Лазерсон [Тимошина, 2014, с.245–263], Александр Круглевский (1886–1964), Питирим Сорokin, Георгий Гурвич (1894–1965). В свое время проф. Карл Баум высоко оценил научную деятельность бывших студентов проф. Петражицкого [Baum, 1967].

Когда весной 1931 г. не стало любимого профессора Льва Иосифовича Петражицкого, то верные его памяти бывшие студенты, точнее, младшие товарищи, опубликовали в различных изданиях памятные статьи. Лазерсон поместил статью в газете «Сегодня», в которой написал: «Чем Петражицкий был для нас, его учеников? В золотую эпоху расцвета Петроградского университета примерно с 1900 до 1917 г. кружок философии права Л. Петражицкого был тем бессмертным храмом, в котором молодые будущие ученые черпали не только знания и обучались методам научного исследования, но воодушевлялись и воодушевляли сотни и тысячи студентов к бескорыстной научной работе. На лекциях Л.И. читал, вернее, творил перед большой аудиторией свою эмоционально зажигающую работу, без всякого красноречия, даже подчас ораторски неудачно, но с каким-то совершенно непередаваемым чарующим

подъемом. Этот подъем его питался не только умственным упоением логическими построениями, но и напряженной верой в силу и значение права» [Лазерсон, 1931].

В 1932 г. летом в Гейдельберге он прочел студентам лекции по русской философии права, а в 1933 г. в берлинском издательстве выпустил книгу под таким же названием [Lazerson, 1933]. Но самое главное событие произошло в 1934 г. Как явный оппонент «аграрной диктатуры» К. Улманиса, установившейся 15 мая 1934 г., уже 24 мая того же года он был арестован и препровожден в так называемый концентрационный лагерь в Лиепаяе. Лазерсон сообщал П. Сорокину: «По образцу Сталина, Муссолини и Гитлера – наши латышские мужички устроили» государственный переворот, «заперев своих политических противников в концлагеря. Я просидел ½ года, надо сказать, что этот лагерь гораздо гуманнее советского или германского. В силу этих пертурбаций я не мог продолжать моей профессорской деятельности (меня, стати, изгнали из профессуры)» [Питирим Сорокин, 2009, с.45].

Детали последних недель пребывания Лазерсона в Латвии глубокой осенью 1934 г. открылись также через документы ЛГИА фонда Административного департамента Министерства внутренних дел Латвии, в делах по выдаче заграничных паспортов. Единственный сын Лазерсона – Элеазар, 1919 г. рождения, находился при нем. 6 декабря они уехали в Париж, затем перебрались в Палестину. Оставшаяся в Риге мать Лазерсона – Паулина – оповестила об отъезде сына и внука нагрянувшую к ней полицию [ЛГИА. Ф. 3234. Оп. 24. Д. 8140. Л. 8, 11]. Так самовольно, без разрешения властей Макс Лазерсон навсегда покинул пределы Латвии. Он категорически не мог славить вождя, как сообщил П. Сорокину в письме от 27 июля 1936 г. из Тель-Авива: «В фашизированной Латвии славить своего господина, после того как я отказался это делать в Советской России, с которой я был неизмеримо больше связан. <...> Самое трудное для меня, и предмет постоянного томления и страдания моего представляет то, что после эмиграции из России я не могу никак приткнуться к спокойной академической жизни с тем, чтобы целиком посвятить себя науке. По моей библиографии, которую Вам при сем посылаю, Вы увидите, что я успел многое сделать, но далеко не то, что мог бы, если работал только научно. В Латвии я принимал участие в политической жизни, что для меня, как государствоведа имело большое значение, так же, как для хирурга клиника. Кроме того, сидя в Риге, я на-

М. Лазерсон. Русская философия права. Берлин, 1933.

«Наследие» № 2 (11) (2017)

учно общался с Германией, был в ней *gastprofessor* 'ом Heidelberg'ского и Берлинского университетов». Далее Лазерсон не без горечи писал П.А. Сорокину: «Я создал себе в Риге терпимый суррогат (+профессура в Рижском Коммерческом институте). Но с некоторых пор, как Hitler воцарился в Германии, я потерял главный резервуар моего научного вдохновения и работы». Подвел итоги своей 25-летней научной деятельности следующими рассуждениями: «С 1911 г. стал писать <...> статьи по "действующему" русскому государственному праву последнего императорского периода (1906–1917). В феврале 1917 г. все старые конструкции оказались недействующей макулатурой. Во времена Керенского выпустил толстую книгу и несколько брошюр о демократическом русском государственном праве. С приходом большевиков через 7–8 месяцев и это оказалось ("контрреволюционной") макулатурой. Уехал в Латвию. Здесь в качестве секретаря публично-правовой комиссии парламента работал над созданием латвийского государственного права в демократическом стиле, а вне Латвии работал над столь же прочным германским республиканско-демократическим государственным правом. И это оказалось томлением и суетой, и макулатурой. Вот мой терновый путь конституционалиста в трех словах» [Питирим Сорокин, 2009, с.45, 46].

Проживая в Палестине с конца 1934 г., Лазерсон стал основателем и профессором Высшей школы экономики и права в Тель-Авиве. Расстояния не пугали его: он часто бывал в европейских странах, выступал с лекциями и участвовал в научных конференциях во Франции, Великобритании, Польше. Все годы оставался деятельным членом польского общества имени Лео Петражицкого – «*Towarzystwo imienia Leona Petrażyckiego*». 27 июля 1936 г. Лазерсон написал проф. Сорокину, что совет общества желает расширить свою деятельность в разных странах, издавать 4 или 2 раза в год журнал «*Review*». Совет общества решил из почетных иностранцев пригласить Питирима Александровича как бывшего ученика Петражицкого в состав редакторов этого «*Review*», посвященного вопросам права и социологии. «Надеюсь, – продолжал Лазерсон, – что дадите положительный ответ. Сообщаю, что после самоубийства Льва Иосифовича осталось большое литературное наследие (главным образом, рукописи на социологические темы, дадим Вам список, если захотите). Надеюсь, что Вы от шефства над этим обществом вместе с [А.Н.] Круглевским, Тиксом, [Г.Д.] Гурвичем (нынче профессор социологии Страсбургского университета, несмотря на всю его философичность и идеологичность) и мною не откажитесь» [Питирим Сорокин, 2009, с.47–48]. Кстати, Лазерсон был глубоко убежден, что одна из жизненных трагедий Льва Иосифовича заключалась в том, что его теория не прорвалась на западный интеллектуальный рынок. Да, несомненно, Петражицкого знали как блестящего цивилиста, поскольку его работы первого периода научного творчества стали доступны читателям в Европе, были переведены на немецкий язык и изданы в 1892–1895 гг. в Берлине. Но Петражицкий как теоретик психологии права, как социолог решительно не получил известность за пределами Российской империи. Еще накануне 1914 г. шла активная работа по переводу его двухтомной «Теории права» на немецкий язык, но публикация не состоялась. В 1926 г. Лазерсон вел переговоры с известным философом права, социологом, профессором Кильского, Гейдельбергского университетов Густавом Радбрухом (*Radbruch; 1878–1949*) об издании уже готового перевода, но все сложилось не в пользу Петражицкого.

Прожив не полных два года на Земле обетованной, убежденный сионист Лазерсон стал искать пути покинуть Палестину, о чем писал Сорокину: «Несмотря на то, что я сионист и считаю, что для евреев, как народа, нету исхода иного, кроме как утвердить себя в Палестине в качестве государства, я тем не менее понимаю, что в самой Палестине, малой, бедной и строящейся, нет еще места для отвлеченной гуманитарной науки. Здесь нужен не столько „академик“, сколько „плотник“ и Бог знает, когда у нас тут создастся почва для такой науки» [Питирим Сорокин..., 2009, с.47]. В сентябре 1939 г. он приехал с докладом на конгресс в Париж, чуть позже намеревался прочесть лекции в Лондонской школе экономики, но драматические события 1 сентября 1939 г. решительно изменили все планы. Вторая мировая война стала реальностью для европейцев. Предусмотрительно получив британское подданство и американскую визу, Лазерсон заручился рекомендательным письмом от Питирима Сорокина и в середине октября со второй супругой сел на корабль и отплыл из Британии в США, в Нью-Йорк. Начался новый этап в жизни Лазерсона.

Научные поиски

От природы Макс Лазерсону был дан дар оратора, который он использовал в студенческой аудитории и на трибуне латвийского парламента. Не менее талантливо, увлекательно, темпераментно, полемически остро он умел излагать свои идеи на бумаге на русском, латышском, немецком, английском. Лазерсон последовательно преодолевал догматический позитивизм, или правовой формализм, т.е. сводимость права к сумме законов, интересовался не столько сугубо специально-юридическими вопросами, а философскими основами права. Монографии, статьи его отличались тематическим разнообразием: позитивное право (положительное право) и естественное (читай интуитивное) право, русская философия права, история философии права, соотношение права и этики и его (права) отличие от нравственности, право и религия, права национальных меньшинств, советология, наконец, вопросы иудаизма и сионизма. (Читателю надо иметь в виду, что в текстах Лазерсона используются как синонимы понятия «позитивное право» и «положительное право»). Позитивное право, положительное право (лат. *ius positivum*) – право, действующее в государстве в данный исторический период. Для сторонников позитивного (положительного) права признается только закон, который «именно в силу его официально-властного, принудительно-обязательного характера является настоящим правом» [Нерсисянц, 2006, с.6]. Все исследуемые вопросы неминуемо дополнялись авторской задиристостью, даже эпатажностью, не оставляя равнодушными читателей. Столь широкий научный подход к осмыслению права им был воспринят от профессора Петражицкого, в свое время оставившего углубленные занятия гражданским правом ради теории права, ради осмысления его философских основ, ради создания оригинальной концепции юридуко-психологического реализма, в которой он прежде всего опирался на методологию опытного, эмпирико-позитивистского обнаружения, выявления и познания реальных правовых и государственных явлений в сфере человеческой психики. Говоря иными словами, определение права опытно-психологической теории Петражицкого старалось объять все правовые явления, «совершенно независимые от того, пользуются они признанием, защитой со стороны государства, или кого бы то

ни было, называют ли их обычно правом юристы или нет, или же они относят некоторые из этих явлений к не-праву, – нравам, морали, религии и т.д. Словом, оно обнимает все явления права, как таковые, без исключения, ибо оно не считается с профессиональной привычкой юристов называть правом только так называемое “положительное право”, “действующее право” и тому подобное, но сообразуется исключительно с научной задачей теоретического образования научных классов, адекватных своему содержанию, с чем только и должна сообразоваться научная теория права» [Михайлов, 1915, с.58].

Лазерсон настаивал, что «единственная теория, которая объединяет сущность права с отдельными его признаками, с отдельными формами и функциями проявления права, – это психологическая теория Петражицкого», предложившего соединить «отдельные гениальные догадки» разных теорий и авторов нитью его теории [Лазерсон, 1930, с.119]. Круг продолжателей идей Петражицкого принял основные положения учения о том, что право – это реальное психическое явление особого рода, в психике человека скрыты особые правовые эмоции. С этим открытием, казалось, была разгадана тайна «сфинкса существа права», что, впрочем, не мешало его ученикам позже вдохновляться на новые интерпретации идей учителя.

Вхождение Лазерсона в политические реалии России в 1917 г. заставило его привнести новые повороты в психолого-правовую теорию Петражицкого, использовать в политико-правовом контексте, контексте социальной педагогики. В этой связи хочется перечислить несколько его работ, изданных в Петрограде и Москве на русском языке: «Война и международная политика» (1917), «К международной постановке еврейского вопроса» («Основные начала организации пропорциональных выборов в Бельгии» (1917)), «Автономия и федерация» (1917), «Национальность и государственный строй (Юридикополитический очерк)» (1918), «Право, правизна и трудовой процесс. Опыт социолого-лингвистического объяснения понятия права» (1919). Вспомним его работу «Социальная педагогика и правовое воспитание. Проф. Л.И. Петражицкому – к 35-летию его научной деятельности» (Рига, 1927). Тему социальной педагогики и политики права в монографии: Лазерсон М. Общая теория права. Введение в изучение права. С. 349–369. К тому же молодой ученый проявил неподдельный интерес к экспериментально-психологическим методам, углублялся в проблемы языка – языка как массового опыта и его прямого отражения в праве, осмысливал взаимодействие между позитивным (положительным) и естественным правом.

М. Лазерсон. Социальная педагогика и правовое воспитание. Рига, 1927 г.

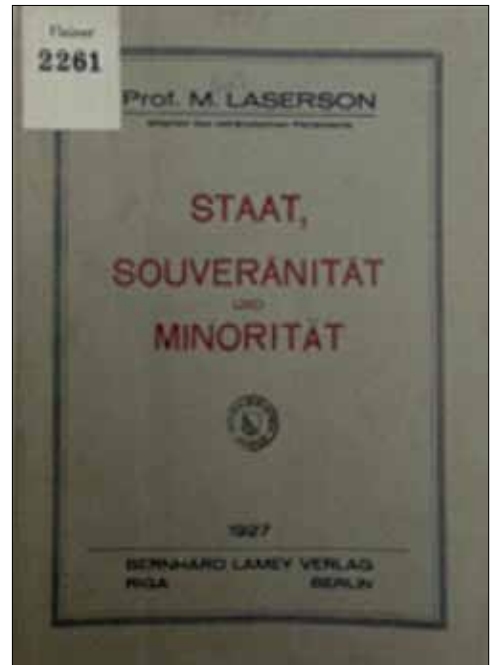
К примеру, в работе «Революция и право» Лазерсон опирался на идеи об интуитивном праве Петражицкого. На страницах публикации им было прослежено взаимодействие позитивного и естественного права в контексте революционных преобразований. Революции, настаивал автор, сильнее всего там, где положительное право (читай: позитивное право) больше всего отстает от естественного права. Поэтому отсталые страны склонны к революции более широкого размаха, чем страны старой правовой культуры, выработавшие способы приспособления и частого применения положительного права к естественному как общественно-приспособленному интуитивному праву. Лазерсон настаивает: «Чем чаще обновляется положительное право, тем меньше тот скачок (или амплитуда революции), который должно каждый раз произвести положительное право в своем приближении к естественному, или, выражаясь государственно-политическим языком: чем чаще издаются законы, отвечающие естественному праву (общему правосознанию), тем меньше тот скачек, который должен быть проделан при развитии данного правового порядка» [Лазерсон, 1930, с.291–292]. Лазерсон наступательно критиковал воззрения юристов, совершенно отделявших понятия права и революции. Право разве приходит уже «после того, как в муках крови и грязи родился новый строй» [Лазерсон, 1927, с.4]? Положительное право выдает метрическое свидетельство вновь рожденному соотношению сил и заносит его в тот или иной разряд, – такова скромная делопроизводительная роль нынешней юриспруденции. Юристы склонны видеть в революции только силу, разрушающую право, отрицание его. Возможно, в этом воззрении сказывается смешение революции с мятежом, что характерно для русского сознания. «Революция с правовой точки зрения представляет собой не юридическую пустоту, как думают многие юристы, а столкновение между положительным правом и естественным. Это непостижимо для юристов именно потому, что, по их мнению, действующим правом является только положительное, писанное законное право» [Лазерсон, 1927, с.24]. Революционные скачки, заключает Лазерсон, при известных условиях становятся неизбежными правовыми факторами развития. И в этой части своей работы Лазерсон убедительно ссылался на Петражицкого, на его теорию интуитивного права. «Мы отвергаем наивную конструкцию “права на революцию”, но признаем наличие права революции. Только это последнее помогает нам рисовать противоречие как длящийся процесс, только раскрытие права революции, как естественного права, может опровергнуть нынешнюю теорию юридического легализма, по которой право исходит только от данного государственного строя, а само право есть в сущности, лишь то, что согласно с этим строем. Эта теория догматического легализма неизбежно связана с совершенно ненаучной теорией катастроф, допускающей существование правовых пустот. Революция, осмысленная юридически, входит в необходимую цепь развития права от низших ступеней к высшим через диалектическое противоположение положительного права праву естественному» [Лазерсон, 1927, с. 36]. (Рецензент его труда главный редактор газеты «Сегодня» М.И. Ганфман писал, что «Лазерсон в этой работе ярко проявил себя как последователь Петражицкого и его учения о естественном (интуитивном) праве» См.: [Ганфман, 1927]).

В 1930 г. в Риге Лазерсон выпустил свой основной теоретический труд «Общая теория права. Введение в изучение права», в котором продолжил осмысление соотношения позитивного (положительного) права и естественного (интуитивного).

На первых страницах монографии указывалось, что автор опирается на теорию Петражицкого, для которого право мыслилось в качестве психического фактора общественной жизни, но особо отмечалось, что право есть продукт социальной жизни. В монографии автор рассмотрел основные школы (нормативизм, догматический позитивизм, исторический материализм, психологический позитивизм), высказал критические замечания в адрес различных школ, дал обзор учений о сущности права и видов права. Подробно было осмыслено соотношение этики, нравственности, психологии и права. «Господство положительного права, – писал Лазерсон, – наложило свою печать на всю науку права, в которой стал господствовать т. наз. позитивизм, который здесь означает признание одного лишь действующего права, признанного государством обязательным, т. наз. положительного права» [Лазерсон, 1930, с.159]. Петражицкий, как известно, такого рода соотношение «положительное-естественное» право осмысливал критически, поскольку естественное право есть особый вид интуитивного права. «Те правовые переживания, которые в своем интеллектуальном составе имеют представления авторитетно-нормативных фактов: законов, обычаев, велений предков и т.д. относятся к области положительного права. То право, которое лишено ссылок на нормативные факты, Петражицкий именуется интуитивным правом» [Лазерсон, 1930, с.160].

Позитивное (положительное) право, согласно Петражицкому и вслед за ним Лазерсону, подразделялось на два уровня: 1) официальное, т.е. признанное данным государством за положительное, действующее, независимо от того, написано ли оно в законе, установлено ли оно обычаем или другою нормою; 2) неофициальное положительное право. Аналогичную структуру имеет и интуитивное право, разделенное на индивидуально-приспособленное и право общественно-приспособленное, между которыми «существует эволюционная связь» [Лазерсон, 1930, с.163]. Только право общественно-приспособленное именуется естественным правом. Лазерсон настаивает, что «ни одно положение естественного права не может мыслиться как индивидуально-изменчивое, ибо мыслясь как таковое, оно уже перестает быть естественным правом» [Лазерсон, 1930, с.284].

Лазерсон не устал подчеркивать весомый вклад учителя в развитие современной теории естественного права, но при этом подводит к мысли о том, что возрождение естественного права Петражицкий понимал как научно-проверенную политику права [Лазерсон, 1930, с.316], которую институт государства и власти должен с особой тщательностью и продуманностью осуществлять в сфере социальной пе-

М. Лазерсон. Государство, суверенитет и меньшинства. Рига, Берлин.1927

дагогике, способствовать формированию правосознания, что и есть не что иное, как интуитивное право [Лазерсон, 1930, с.162].

Упомянутый выше проф. К. Баум внимательно и кропотливо изучил доступные ему работы самого Лазерсона и пришел к заключению о том, что, не выходя за рамки научных размышлений учителя, он достиг особенной точности в изложении его идей, особенно в области социологически-исторического анализа понятия права. Его целью стала социологическая переработка учения Петражицкого, главным образом, в области исторического обоснования и уточнения зарождения права. Лазерсон еще больше, чем Петражицкий настаивал на идее, что в этой области понимание права как социального явления важнее его исторического обоснования как психологического феномена. Новизна идей Лазерсона виделась проф. Бауму в том, что он сделал упор на понятие права как социолингвистического концепта: общественные отношения в первую очередь отображаются в языке как конденсированном социологическом опыте, поэтому важными становятся также социологические обычаи в отношениях в области права. Исходным пунктом размышлений Лазерсона является созвучность некоторых понятий, наблюдающихся во всех важнейших языках для обозначения права – правой руки, правильного направления. Это служило подтверждением тезиса о том, что появление понятия права связано с символикой правильного (правого) направления пути. При этом предпочтение правой руки, подсознательно, в трудовом процессе, в религии и традициях, переносится также на понятия правильного (правого) пути и права в целом. Петражицкий воспринимал право узко – оно было сконцентрировано на социальных конфликтах и их решении, а Лазерсону это понимание представлялось недостаточным, поскольку требовалось вывести право на новый уровень, на котором упор также будет ставиться на справедливое и правильное управление и взвешенный путь. Стараясь дополнить идеи Петражицкого, Лазерсон в плане дефиниций стремился распределить право на три разных уровня, тем самым пытался достигнуть четкости, углубления и модификации соотношения интуитивного и позитивного права, таково заключение проф. из Западного Берлина К. Баума [Baum, 1967, p.78, 79].

Научные поиски Лазерсона на Северо-Американском континенте

Итак, с 23 октября 1939 г. в жизни Макса Лазерсона начался новый этап. Уже в начале 1940 г. в Колумбийском университете он читал лекции на темы: политические и международные отношения Балтийских государств, проблемы национальных меньшинств, общей теории демократий и диктатур, по чистой теории права. Из писем узнаем, что Лазерсон в апреле 1940 г. приезжал в Бостон к проф. Сорокину: навещался не только ради получения очередного рекомендательного письма, но и с целью переговоров о переводе и издании трех книг проф. Петражицкого.

Вскоре Лазерсон стал заниматься научной работой в Фонде Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace) под руководством Джеймса Томсона Шотвелла (Shotwell; 1874–1965) – профессора истории Колумбийского университета. Также он состоял деятельным членом «Кружка русских юристов», активно печатался в журналах по социологии, философии, публиковал книги. В апреле 1944 г. дал согласие быть приглашенным, гостевым профессором Колумбийского

университета по предмету моральной и политической философии. Это событие он с некоторой горечью прокомментировал в письме Сорокину: «Решено, что я буду visiting lecturer Columbia University по предмету: moral and political philosophy. На старости лет: из архиереев в пономари. Да еще и это надо рассматривать как некое достижение. Но не будем жаловаться. Писать можно. А это главное» [Питирим Сорокин..., 2009, с.60].

В России и Латвии основными направлениями его научной деятельности были философия и теория права, государственное право. В США его знания по этим направлениям не были нужны, поскольку там превалировали международное право и междисциплинарное политологическое направление – советология, особо востребованная в послевоенные годы – годы начала холодной войны. Как ученому-эмигранту Лазерсону не оставалось ничего другого, как начать работать в направлении советологии, критически осмысливать новейшую историю России и ее отношения с соседними государствами, с так называемым западным миром. В этой связи хочется упомянуть подготовленный им сборник документов и комментариев «Развитие советской внешней политики в Европе» (“The development of Soviet foreign policy in Europe, 1917–1942”. N.-Y., 1943). В 1945 г. вышла работа, написанная в соавторстве с Дж. Шотвелом, «Польша и Россия» (“Poland and Russia”. N.-Y., 1945). Также в 1945 г. в нью-йоркском издательстве “Macmillan” увидела свет следующая книга – «Россия и западный мир: место России в содружестве наций» (“Russia and the Western world: the place of the Soviet Union in the Community of Nation”). Взаимоотношения России и США Лазерсон проанализировал в монографии «Американское воздействие на Россию – дипломатическое и идеологическое, 1784–1917» (The American impact on Russia – diplomatic and ideological. 1784–1917. N.-Y., 1950).

Можно ли утверждать, что многочисленные публикации приносили Лазерсону удовлетворенность академической карьерой в США? Вряд ли. В переписке Лазерсона – Сорокина во второй половине 1950 г. опять появилась тема рекомендаций, поддержки Лазерсона. Хотя о трудностях академической карьеры в США проф. Сорокин еще в начале 1939 г. предупреждал старого знакомого: «Что касается возможности найти какое-нибудь место здесь, то имейте в виду, что только теперь не менее чем от двенадцати до восемнадцати тысяч ученых из Центральной Европы осадили американские институты. В течение следующих двух или трех лет несколько сотен из них будут поглощены, но, кажется, этому есть предел» [Питирим Сорокин..., 2009, с.54, 62].

Последняя предсмертная работа М. Лазерсона вышла в начале 1951 г. Статья, незримо подытожившая научную деятельность ее автора, называлась «Работа Льва Петражицкого: Исследование психологических аспектов природы права» [Lazerson, 1951, p.59–82]. Оттиск публикации, конечно же, отправлен П. Сорокину, на что Питирим Александрович 23 февраля 1951 г. ответил Лазерсону: «Профессору Максу М. Лазерсону. 526, 113-я Стрит, Нью-Йорк. Мой дорогой Лазерсон, сердечно благодарю Вас за репринт Вашего исследования о Петражицком. Очень рад, что Вы продолжаете публиковать исследования о нашем дорогом учителе. С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш Питирим А. Сорокин» [Питирим Сорокин..., 2009, с.63].

Перегруженность интенсивной научной работой в течение последних десяти лет сказалась на состоянии здоровья Макса Лазерсона. 30 ноября 1951 г. он скончался

в своей квартире на Манхэттене в Нью-Йорке. 1 декабря об этом оповестила газета "Toledo Blade" [Dr. Max Laserson..., 1951, p.6].

Литература

Архивные источники

Латвийский национальный архив – Латвийский государственный исторический архив (ЛГИА)
ЛГИА. Ф. 7427. Оп. 13. Д. 983 Л. 1.
ЛГИА. Ф. 3234. Оп. 24. Д. 8140. Л. 8, 11.

Ганфман М. Книга проф. М. Лазерсона «Революция и право» // Сегодня. 1927. № 17

Грузенберг О. Из дневника юриста // Закон и суд. 1931, № 20.

Ковальчук С.Н. Политика и наука в шкале ценностей Макса Лазерсона // Евреи в меняющемся мире. Рига, 2015, Т. 8. – С.145–168.

Лазерсон М. Революция и право. Рига, изд-во Эттингер, 1927.

Лазерсон М. Общая теория права. Введение в изучение права. Рига, 1930.

Лазерсон М. Петражицкий как творец науки права // Сегодня. 1931, № 139.

Михайлов П.Е. Проблема права. С точки зрения психологической теории права // Новые идеи в правоведении. Философия права и нравственности. СПб., 1915, Сб. 4. – С.58.

Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2006. – С.6.

Питирим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. Вологда: Древности Севера, 2009. – 336 с.

Тимошина Е.В. Психологический реализм: М.Я. Лазерсон // Правоведение. Известия высших учебных заведений. СПб., 2014, № 5. – С.245–263.

Baum K. Leon Petrazycki und Sein Schüler. Berlin, 1967.

Dr. Max Laserson // Toledo Blade. 1951, Dec. 1. – P.6.

Lazerson M. Revolūcija un tiesības // TMV. 1926, № 9.

Lazerson M. Revolution und Recht // Zeitschrift für öffentliches Recht. Band 8. Helt 4. Wien, 1929.

Lazerson Max. Die Russische Rechtsphilosophie. Berlin – Grunewald: Rothschild, 1933.

Lazerson M. The Work of Leon Petrazhitzkii: Inquiry into the Psychological Aspects of the Nature of Law // Columbia Law Review. 1951, Vol. 51, № 1. – P.59–82.